

АТАМАН ЦАРСКОГО СПЕЦНАЗА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Попаданчество

Юрий Корчевский
Атаман царского Спецназа

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

Атаман царского Спецназа / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2016 — (Попаданчество)

ISBN 978-5-222-39478-6

Он обрел уникальный дар — проходить не только сквозь стены, но и сквозь время. Он заброшен из наших дней в кровавую эпоху Ивана Грозного и еще глубже — ко двору первого Русского Царя. Ему суждено защищать от степных набегов пограничные города и разоблачить предателя Курбского, биться против беспощадных опричников, стать атаманом царского Спецназа и выстоять не только против врагов Русской Земли, но и против нечисти и нежити!

ISBN 978-5-222-39478-6

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Защитник отечества. Проходящий сквозь время	5
Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Атаман царского Спецназа

Защитник отечества. Проходящий сквозь время

Глава I

Смена закончилась неожиданно быстро. Полдня занимался перевязками, затем оформлял истории болезни. Как говорит наш заведующий отделением: документы пишутся не для меня, а для прокурора.

Я созвонился с Юлей, моей подружкой, переоделся и вышел из больницы через запасной выход. Свой мотоцикл, любимый «Харлей-Девидсон», я всегда ставил там. Собственно, после развода у меня только и осталось, что телевизор да этот мотоцикл. Квартиру мы разменяли; мне досталась однокомнатная в Люблино, а Инне – двушка на Воронцовском поле, почти центр. Да и мебель переехала туда же. Какое-то время мне даже пришлось спать на матрасе на полу, но я не горевал: баба с возу – кобыле легче. Моя бывшая нашла себе мужчину побогаче; она давно пилила меня – зарабатываю мало, дежурства, опять же, ночные, ни в клубе оторваться, ни в гости сходить. Выбрала теперь себе богатенького, правда женатого, но ее это, похоже, не напрягает. Господь с ней, флаг в руки. Была в жизни такая ошибка – этот скоропалительный брак, ведь отговаривал отец, пока был жив, он людей хорошо чувствовал. Ладно, хорошо хоть детей не успели завести. А сейчас я собирался к Юле. Сегодня пятница, мы давно с приятелями собирались встретиться на выходных, посидеть на даче – попить пивка и пожарить шашлыки. Надо было ловить последние погожие деньки; солнце еще светило вовсю, но по утрам было прохладновато и летала паутинка – признак бабьего лета.

До «Автозаводской» доехал быстро, мотоцикл – не машина, стоять в пробках не приходится.

Юля уже стояла на месте, приплясывая от нетерпения. Я даже залюбовался – джинсы плотно обтягивали аппетитную попку. На спине болтался небольшой рюкзачок, ветер слегка раздувал длинные черные волосы. Люблю брюнеток, хотя почему-то считается, что большинство мужчин без ума от блондинок. Не зря же на улицах столько крашенных блондинок. Но и я, и мои друзья к блондинкам были равнодушны.

Познакомился я с Юлей случайно – она приехала навестить в больнице бабушку, и мы застряли в лифте; хоть и недолго длилось наше заключение, но познакомиться и обменяться номерами телефонов успели. Вот уже третий месяц, как мы встречаемся, и месяц, как спим вместе. Переезжать ко мне она не собирается, так же как и я к ней. Девушка тоже успела сходить замуж, и это добавило ей осторожности.

Мы поцеловались; Юля уже привычно уселась сзади, обняв меня руками, не от бурных чувств, а хотя бы для того, чтобы удержаться. Мотоцикл может и сбросить. С безопасностью у мотоциклов, конечно, хуже, чем у любой, даже самой завалающей, машины, зато в машине нет такого чувства скорости, единения с природой, когда ветер бьет в лицо и сечет щеки песчинками, а воздух пахнет травой. В мотоциклы я был влюблен с детства.

Со временем, уже работая, я купил машину, но не было в ней адреналина; комфорт был – тепло, уютно, а вот азарта, упоения не было. Теперь вот сбылась давнишняя мечта – «Харлей». Долго копил, все-таки двадцать тысяч американских рублей, сумма для доктора изрядная. Ну а к «Харлею» пришлось покупать кожаную косуху, бандану и все, что полагается, чтобы соответствовать. Все-таки «Харлей» – это легенда, не «Сузуки» какая-нибудь.

Приглушенно тарахтя низкооборотным мотором и проходя сквозь пятничные пробки на Садовом, как нож сквозь масло, мы вырвались за город. Москва с ее отравленным воздухом

осталась позади. Вот и Истра; еще немного – и мы подкатились к даче моего друга и коллеги Женьки Абrikосова. Для кого-то он – уважаемый заведующий отделением, а для меня так и остался закадычным дружкой Женькой. Сколько мы с ним во время учебы в первом МОЛМИ вина попили в подъездах, тиская девчонок! А сколько лекций пропустили, правда, к медицине отношения не имеющих – научный атеизм, диалектический материализм и тому подобное. Слава богу, КПСС – уже не направляющая сила, и товарищу Сталину спасибо за счастливое детство говорить не надо.

Дачка была небольшой и старой, доставшейся Женьке от деда, заслуженного деятеля от оборонки. После смерти академика Женьке причитался целый чемодан наград, грамот и вот эта дачка.

Место неплохое: старые деревья вокруг, тень, прохлада, водохранилище рядом. Участок небольшой – шесть соток, и домишко на участке маленький, однако небольшую компанию приютить на ночь может запросто.

Мы с Женькой по-дружески обнялись, с Юлей они скромно пожали друг другу руки. В дальнем углу двора уже жарко горели дрова в мангале. Багажник Женькиного авто был открыт, там виднелась кастрюля с мясом и лежала связка шампуров. Из домика выпорхнула Люся, жена друга. Они поженились еще в институте и, к моему удивлению и зависти, жили дружно и весело. Детей пока не заимели, но, как сказал Женька, они активно работают над этим вопросом.

Поскольку дрова уже прогорали, мы принялись нанизывать мясо на шампуры и жарить. Шашлык должен делать мужчина, мясо не любит женских рук.

Тем временем дамы резали лучок и готовили закуски. По участку начал распространяться дразнящий аромат шашлыков. Мы поснимали готовое мясо и, обжигая руки, помчались к столу. Снизав мясо с шампуров в большое блюдо, уселись. Женька спохватился и умчался в домик, вернувшись с парой запотевших бутылок вина. Шашлык, правильно замоченный и пожаренный, – лучшее мясное блюдо. Откусываешь сочный кусок, и язык от жара начинает трещать, запиваешь холодным вином и кидаешь в рот колечки лука, замоченного в уксусе. Красота! А запах!

Утолив голод несколькими кусками и опустошив первую бутылку вина, мы начали неспешный разговор. Как водится у финских лесорубов: в лесу – о бабах, с бабами – о лесе. Конечно же, мы с Женькой говорили о медицине, о злом и некомпетентном Зурабове; да много еще о чем могут говорить увлеченные профессионалы. Дамы слегка заскучили и направились в домик. Мы же за разговором уминали шашлыки, запивая винцом. Хорошо сидели, одним словом.

Незаметно опустился вечер; посвежело, на небе зажглись крупные звезды.

Пятница, вечер, предвкушение двух дней отдыха, приятная компания – что еще человеку для счастья надо? И я наслаждался. Неизвестно, позвонят по мобильнику мне или Женьке, что привезли тяжелого больного, и придется бросать все: женщин, шашлыки, свежий воздух – и стремглав лететь в душную Москву. Дамы наши решили проявить инициативу – вышли из домика в купальниках и с полотенцами в руках.

– У нас есть предложение сходить искупаться.

Да кто был бы против?

Мы сбросили брюки и футболки и дружной компанией отправились к находящемуся рядом водохранилищу. К вечеру вода нагрелась и была как парное молоко, на мой взгляд, даже теплее воздуха. Вдоволь накупались, пошалили, подныривая к девушкам; перебрасываясь шутками, вернулись на дачу. Тут нас ждал маленький сюрприз. На стуле стоял какой-то лохматый незнакомый пес и с аппетитом доедал наши шашлыки. Завидев нас, он смылся в кусты. Ни одного куса мяса на столе уже не было.

Судьба! Переодевшись в сухое, мы включили музыку, немного потанцевали под «Рок-сет» – любимую группу Женьки и Люси и отправились в свою комнату. Собственно, выбора не было: домик был маленький и комнат – всего две. В комнате стояла духота, не помогали открытые окно и дверь, да еще и комаров налетело – тьма.

Мы с Юлькой быстро разделись и юркнули в постель, накрывшись простыней. Скоро нам стало не до комаров, нашлось занятие поинтересней.

Утром мы выползли из домика невыспавшиеся, с множественными волдырями от комариных укусов. Не комары, а прямо вампиры какие-то. Подхватив полотенце, я как был в плавках, так и помчался к водохранилищу. С разбега плюхнулся в воду и чуть не заорал от неожиданности – вода показалась обжигающе холодной, конечно, из теплой-то постельки. Поплавав и согревшись, обтерся полотенцем и трусцой побежал к даче. Все уже встали и бродили, как сонные мухи.

– Эй, лентяи! Быстро в воду! Берите пример с меня – и чист, и свеж.

– Юра, сегодня выходной, не грузи, дай отдохнуть.

Ну, отдыхайте. Я вытащил из дома старинный, деда Женькиного, самовар, вышел за забор, набрал в ближайшем ельнике, буквально в пяти шагах от дачи, еловых шишек и растопил самовар.

Увлекательный это процесс. Сначала заливаешь воду, потом подбрасываешь шишки, затем поджигаешь лучины из сухого дерева. Когда из трубы начинает валить сизый дым, надеваешь на трубу сапог и, как мехом, начинаешь качать сапогом. Пламя разгорается, и вскоре вода в самоваре начинает шуметь. Специально для самовара Женька хранил в подсобке старые сапоги. А чай какой из самовара! С легким привкусом дымка, с хорошей заварочкой, в которую добавлены для вкуса смородиновые листья. Это как сравнивать общепитовские котлеты и хороший шашлык.

Пока я с упоением занимался самоваром, девушки накрыли немудрящий стол. Сели, почаявничали не спеша, звучно прихлебывая из блюдец. Нет, в Москве так чай не попьешь; там все быстро, на ходу, часто из пакетиков. А чаепитие – это процесс, конечно, не японская чайная церемония, но и славяне умели это делать не хуже, вспомните хотя бы «Чаепитие в Мытищах». С бараночками, сахаром-рафинадом и щипчиками, пытящим самоваром и непременно блюдами, на худой конец – со стаканами в подстаканниках. Нет, теперь такое только, может, в дальних деревнях сохранилось или вот иногда кто-то на даче побалуется, как мы. Все в спешке – успеть, не опоздать, ритм просто бешеный.

И только я отмяк душой за самоваром, как раздался звонок мобильного:

– Юра, там у тебя пациент из восьмой палаты подкравливает после операции, ты бы подъехал, посмотрел.

– Ладно, буду.

Вся компания выжидающе на меня уставилась.

– Я отъеду ненадолго, посмотрю, что там, да и назад сразу, расслабляйтесь пока без меня. Сегодня только утро субботы.

Я оделся, оседлал «Харлей» и выехал со двора.

Под колеса мягко стелилась укатанная грунтовка дачного поселка, потом я выехал на узкую асфальтовую дорогу, вьющуюся вдоль реки. Добавил газку, дорога была знакомая. Еще пара поворотов – и я уже буду на трассе. Положил мотоцикл на бок, вписываясь в левый поворот, и – о черт! На повороте лежал тонкий слой рассыпанного песка, видимо, на дачу кто-то вез для строительства. Мотоцикл перестал слушаться, заскользил боком. Я оттолкнулся от «Харлея» и сгруппировался. Боковым зрением я увидел, что меня несет на дерево. «Как хорошо, что я ехал один», – мелькнуло в голове, затем удар и тошнота.

...Очнулся я, по моим ощущениям, нескоро. Выезжал я утром, часов в десять, а сейчас вон уже и солнце садится. Неужели никто не видел моего падения, не вызвал «Скорую»?

Я взглянул на часы – можно выкинуть: циферблат расплющило, стрелок нет. А хорошие были часы – «Омега», не подводили. Где же мотоцикл? Слегка покачиваясь, голова все-таки болела от удара, и немного подташнивало, я обошел придорожные кусты. Мотоцикла нигде не было. Неужели угнали, пока я был в отключке? Конечно, ключи в замке зажигания, а «Харлей» – лакомый кусок для любого угонщика. Мало того, что сотрясение заработал, так еще и мотоцикла лишился. Здорово отдохнул, нечего сказать. Я огляделся – где-то должна быть наплечная кожаная сумка, там мои права, ключи от квартиры, сотовый телефон. Но и сумки я не нашел тоже, хотя на четвереньках облазил все кусты и придорожную канаву. Что за чертовщина?

Поднявшись с колен, я отряхнул брюки и огляделся. Местность та же – вон поворот реки, холмик, но в то же время и не та. Чего-то здесь не хватает. Точно, домиков не хватает, столбов с проводами не хватает, деревья – березы, о которую я ударился, не было тоже. Неужели я так сильно приложился головой, что что-то забыл? Я остановился и напряженно попытался вспомнить, куда я ехал и зачем. По крайней мере то, что я Юрий Котлов, не вызывало у меня сомнений. Вроде мне звонили с работы, да, точно, звонили с работы: были проблемы с послеоперационным больным, и я рванул в Москву.

Надо возвращаться на дачу к Женьке; у него – машина, сотовый телефон, можно с Москвой связаться; кроме работы, мне надо было и милицию вызвать, пусть выезжают на место аварии – мотоцикл угнали, сумку украли. По крайней мере, для страхового общества надо получить справку о зарегистрированном происшествии.

Придя к решению вернуться, я направился обратно. Странно, когда я ехал в Москву, по левой стороне виднелись заборы и крыши дачных домиков, а сейчас ничего, кроме каких-то зарослей, нет. Не могли же дачи в одночасье исчезнуть? И голосов людских не слышно. Что-то здесь не так. Может, после аварии я в шоке ушел на другую дорогу? Потому и мотоцикла с сумкой не нашел, и березы злополучной нет, и домиков не видно. Да, наверное так.

Успокоив себя и внутренне разяснив некоторую несуразицу, я зашагал бодрее. По моим прикидкам, я прошел уже километра два-три, и пора бы уже объявиться Женькиной даче.

Впереди блеснула водная гладь. Я приободрился. Даже если немного заплутал, по реке сразу определюсь, ведь дача была недалеко от воды.

Вышел на берег, в нетерпении стал озираться. Какие-то незнакомые места. Вдалеке, выше по течению, стоял рыбак с удочкой – как же, вечерний клев. Я направился к нему, теща себя надеждой, что сейчас узнаю, где я и куда идти дальше. Подойдя, мысленно удивился одежде рыбака – уж больно затрапезная, если не сказать хуже. Ладно, мне с ним в друзьях не ходить. Я поздоровался, рыбак стянул нечто бесформенное с головы и поклонился:

– Здравствуй, барин!

Странное приветствие, однако.

– Не скажешь ли, мил-человек, где тут селение какое, приплутал я малость.

– А чего ж не сказать? Вон туды, по дороге, Яхрома будет; недалече, версты четыре всего.

– Москва далеко?

– Это уж дальче, верст пятьдесят будет, вон туды, – он махнул рукой.

– Где станция железной дороги, поближе чтоб?

– Чаво? Не понял я, барин.

Тупой какой-то, что ли? Простой вопрос не понял. Я решил идти вдоль берега, мне казалось, что так я наверняка быстрее выйду к какому-нибудь селению, а там или такси найму, или позвонить смогу. Уже уходя, неожиданно для себя спросил:

– День сегодня какой?

– Так пятница, как есть осьмнадцатое сентября одна тысяча пятьсот сорок седьмого года от Рождества Христова.

Сбрэндил мужик, как есть сбрэндил. Наверное, водку паленую пьет, вот белая горячка и приключилась. Чего с ним время тратить?

Я направился вдоль берега. Воздух был свежий, голова постепенно перестала болеть, шлось легко, только что-то уж есть хотелось. Конечно, чай пили утром, а сейчас – вечер. Селений никаких не видно, хоть бы уж деревня какая попалась. Судя по солнцу, через час-полтора стемнеет, а у меня и крыши над головой нет.

Кожаная куртка – косуха – лишь от ветра защита, тепла от нее никакого, а я житель сугубо городской; если и выезжал на природу, то на день-два с палаткой или как к Женьке – на дачу. Надо искать ночлег.

Темнело, я начал спотыкаться о корни деревьев, кочки. Слева, недалеко от берега, показалась копна сена. Недолго думая, я свернул туда, взобрался наверх и блаженно развалился. Побаливала в затылке голова, натруженные ноги гудели с непривычки. Километров десять я сегодня точно отмахал, сроду столько пешком не проходил, все на мотоцикле да на метро. Ночное небо было почти черным, звезды ярко мерцали. В голову пришла мысль – почему нигде на горизонте не видно зарева от городских огней? Ладно, пусть Москва еще далеко, но в ближнем Подмосковье полно городков, от них-то зарево должно быть, не может везде выключиться электроэнергия. Завтра разберусь, а сейчас – спать.

Отрубился я быстро, слишком много впечатлений и событий за один день. Утренний сон был прерван самым бесцеремонным образом: меня за руку стащили с копенки сена. Рядом стояли два мужика с вилами и граблями, недалеко была и лошадь с повозкой. Ясно, за сеном приехали.

– Ты кто таков?

– Да вот, приبلудился немного, в стожке переночевал.

Мужики выглядели агрессивно: один держал деревянные вилы наперевес, как винтовку со штыком. В голове мелькнуло: а почему вилы деревянные?

Второй подошел сбоку, взял меня за руку, но было видно, что слегка струсил. Во мне роста было метр восемьдесят и вес – девяносто, а мужички выглядели тщедушно. Учитывая, что я в институте активно занимался в секции самбо, уложить обоих не представляло труда, но зачем?

– Пойдем-ка в деревню, к барину.

Ну что ж, в деревню так в деревню. Вчера я ее сам искал, да найти не смог. Идти оказалось недалеко, буквально за пригорком, я вчера не дошел пятьсот метров.

Я шел впереди, мужики молча конвоировали сзади.

Деревенька была небольшой, домов десять, по периметру огорожена хлипким тыном и не производила впечатления зажиточной. Что меня удивило – крыши крыты дранкой, а кое-где и соломой. И это в ближнем Подмосковье!

Меня подвели к самой большой избе; из трубы курился дымок, двор был огорожен забором, во дворе рылись в земле куры, из сарайчика доносилось похрюкивание и мычание. На стук в дверь вышел дородный мужик в ярко-красной рубахе навыпуск, подпоясанный ремнем. Слева на ремне висел в чехле здоровенный нож, справа – ложка. Однако! Прямо театр какой-то. Мужики сняли шапки, поклонились.

– Вот, барин, шпыня поймали, в копешке ночевал на Ильином лугу.

Барин оглядел меня с головы до ног.

– Кто таков будешь?

– Юрий Котлов, из Москвы.

– А сюда как попал?

– Заблудился, от своих отстал. Мне бы телефон или, если в деревне нет, дорогу к ближайшей станции.

– Станция-то недалеко, да токмо лошадей там сейчас нет.

Помешались они все тут, что ли? Или прикалываются над столичным жителем?

Я решил не обострять отношения, попросил указать дорогу, по ней и зашагал. Хорошо хоть теперь имелась дорога, это не по берегу идти, спотыкаясь о кочки. Дорога петляла среди рощиц, полей со снятым урожаем.

Часа через два впереди показались две избы, огороженные высоким забором из жердей. Я вошел в открытые ворота. Навстречу мне выбежал мальчонка лет двенадцати, поклонился и спросил:

- Чего желает господин?
- Станция где?
- Да вот она станция и есть, лошадей тока нету, вчера гонцы из Пскова всех забрали.
- А железная дорога где?
- Непонятно ты молвишь, господине.
- Ладно, а столовая здесь есть?

Видя в глазах парнишки непонимание, я переспросил:

- Покушать можно где?
- Так вот же трактир.

Паренек пошел вперед, я – за ним. Вошли в избу. Большой зал, мест на тридцать, длинные столы со скамьями, стойка с хозяином за ней, пахло дымом и чем-то вкусным, мясным.

У меня от запаха еды аж слюни потекли. Хозяин поздоровался, спросил – что хочет уважаемый гость?

- А что есть?
- Карасики жаренные со сметаной, курица вареная, расстегаи, щи, каша.
- Давайте щи, курицу и расстегаи.

Я уселся за стол, мальчишка принес глиняные чашки с едой, деревянную ложку. Немало подивившись ложке, я набросился на еду. И щи, и курица были хороши, а расстегаи с рыбой – отменные.

Насытившись, я подошел к хозяину рассчитаться. Во внутреннем кармане у меня всегда лежал заглазник для гаишников, причем и рубли, и доллары, правда немного – баксов сто.

- Сколько с меня?
- Алтын.
- Сколько? – От удивления у меня глаза на лоб полезли. Ну, назвал бы он сумму в рублях или валюте, а тут что, спектакль какой-то!
- Разве дорого? Посчитайте сами – полоть куриная, щи, три расстегаи, ровно алтын и будет.

Я в растерянности вытащил деньги и не знал, что ответить хозяину.

- Вот, у меня только такие деньги!

Хозяин подозрительно на меня поглядел:

- Немец, что ли?
- Почему «немец»? – обиделся я. – Как ни есть – русский, сизмальства в Москве живу.
- А деньги чего же странные, из бумаги? Серебро давай, на худой конец, и медяками алтын собери.

- Нет у меня серебра, только такие.

Хозяин обернулся в сторону кухни, крикнул Васю. Из дверей вышел здоровенный молодец, ростом не меньше меня и в два раза шире в плечах, утирая рукавом рот.

- Вот, платить не хочет.
- Это мы ща!

Вася двинулся ко мне, хозяин метнулся к двери, перекрывая отступление. Дело оборачивалось неприятностями. Причина мне была пока непонятна. Я поел, честно хотел расплатиться, а меня чуть не в фальшивомонетчики записали. Вася размахнулся кулачищем. Дожи-

даться удара я не стал, сделал подсечку и, когда туша Васи с оглушительным грохотом упала на пол, добил его ребром ладони по шее. Вася стал тихим спокойным мальчиком и только сопел в две дырки.

– Хозяин, у меня только такие деньги.

Я вывернул в доказательство карманы брюк, на пол упала монетка, кажется, два рубля, случайно затерявшиеся в кармане.

Хозяин бочком подошел, поднял монету, попробовал на зуб.

– Откуда такая, небось фряжская али романейская?

Внимательно рассмотрел с обеих сторон, кинул в ящик.

– Ладно, иди с Богом, бумагу свою заberi.

Я сгреб со стола рубли и доллары, сунул в карман. Я был ошарашен происшедшим. Уже в дверях я спросил:

– Год какой сегодня?

– Знамо какой – одна тысяча пятьсот сорок седьмой от Рождества Христова. Ты никак, гость, выпил вчера много?

– Как в Москву пройти?

– Налево по дороге.

Задерживаться я не стал, так как Вася стал подавать признаки жизни: зашевелил руками, приподнял голову. А ну как возьмет в руки жердину и захочет поквитаться?

Я вышел со двора и, свернув налево, зашагал по дороге. Сытому шагалось веселее, однако мысли были грустные. Уже второй человек называет мне совершенно, с моей точки зрения, несуразную дату. Я стал припоминать все странности – нигде не видно машин, не пролетают самолеты, нет столбов и проводов, да и станция была почтовая, для государевых гонцов и почты, а никакая не железнодорожная. По всем прикидам выходило, что я и в самом деле угодил в Средние века. Бред какой-то. Поговорить бы с кем, разобраться, да вот только где найти такого человека, чтобы все разъяснил? С чужаком вряд ли будут долго разговаривать, сочтут за сумасшедшего, затолкают в странноприимный дом, да и заведений таких здесь, наверное, еще нет.

Я шел по дороге и думал, что же мне делать? Смогу ли я вернуться в свое время, и если да, то как это сделать? Если не смогу – надо на что-то жить, где-то работать, искать ночлег. На меня свалилась куча вопросов, и ни на один у меня пока не было ответа. Что бесплодно ломать голову, надо идти в Москву, там что-нибудь придумаю: голова на плечах есть, руки – тоже.

Дорога слилась с еще одной, сделалась шире. Меня периодически обгоняли верховые, иногда я обгонял тяжело нагруженные возы, еле влекомые понурыми лошадками. С каждым километром чувствовалось приближение города, по бокам дороги стали появляться деревеньки. По дороге проезжали не только крестьянские повозки, но и богато расписанные кареты с важными седоками. Пару раз я сходил с дороги, чтобы напиться в протекающих ручьях. Покушать не довелось, да и, имея печальный опыт еды в трактире, я больше не хотел рисковать.

К вечеру ноги уже отказывались идти, надо было искать ночевку. Даже если Москва и недалеко, что мне там делать ночью? Дома нет, на постоянный двор без денег соваться смысла тоже нет. Не барин, переночую снова в стожке. Я стал поглядывать по сторонам, но никаких стогов или копен не увидел, вероятно, крестьяне их уже убрали.

Начало темнеть, слева от дороги, на опушке, я увидел небольшой костерок и несколько подвод, стоящих полукругом. У костра полдюжины мужиков варили в котелке нехитрую дорожную похлебку. Попробую переночевать вместе с ними.

Подойдя, поздоровался, мне недружно ответили. Я попросил разрешения посидеть, погреться. Все-таки ночи были прохладноваты. С некоторым сомнением и опаской мне позволили остаться и даже угостили миской каши. Довольно неплохой каши – гречневой, с маслом, очень вкусной. А может, на пустое брюхо так показалось.

Все улеглись спать, подстелив под себя лошадиные потники, а кто и на телеги. Я улегся на землю, запахнувшись в свою косуху. После утомительного перехода и немудрящего ужина уснул быстро, несмотря на жесткое ложе.

Проснулся от тычка в бок – рядом дрались, причем, судя по крикам и мелькающим теням, дрались все. Я закатился под телегу, дабы не перепало случайно по ошибке, стараясь вникнуть, кто кого и за что бьет. Потихоньку в свете еле тлеющего костра стал понимать, что приютившие меня мужики отбиваются от разбойников, промышлявших грабежом вот таких крестьянских обозов, везущих в Москву товар на продажу. Надо помогать, все же мужики не погнали прочь незнакомца, даже покормили.

Улучив момент, я выскочил из-под телеги и врезал ногой по причинному месту чужаку. Он выделялся среди обозных светлой рубашкой. Тот упал, засучил ногами и завывл. Как теперь разобраться в темноте – кто свой, кто чужой?

– Обозники, сюда, к телегам! – скомандовал я.

Тяжело дыша и отбиваясь от наседавших нападающих, ко мне пробилось трое крестьян. Разбойников было больше. Выхватив у одного из мужиков оглоблю, я резко ткнул ею в лицо одному из нападавших. Раздался хруст костей и дикий вопль. Вторым тычком я врезал в живот еще одной смутной тени, услышав в ответ сиплый выдох. Хорошо попал. Обозники тоже не остались в стороне и кинулись помогать.

Разбойники исчезли так же внезапно, как и появились. Мужики подбросили сучьев в костер, мы огляделись. Двое обозников лежали с разбитыми головами; один был ранен, зажимал порез на руке, обильно сочившийся кровью. Я разжал руку – порез у раненого был глубокий, но кровь была темной и не пульсировала, слава богу, артерия не задета.

– Бинт дай! – крикнул я.

Обозники уставились на меня, явно не понимая.

– Ну, материя есть какая?

Мужик задрал рубаху, оторвал от исподнего широкую полосу. Этим полотнищем я и перебинтовал руку.

На опушке лежало трое убитых незнакомцев. Мужики их осмотрели – тати проклятые, туда им и дорога. Для своих убитых выкопали яму и похоронили. Да и куда их везти – август, днем жарко, быстро завоняют.

Утомившись, присели отдохнуть.

– Как звать-величать тебя, парень?

– Котлов Юрий.

– Спасибо, выручил, бо все полегли бы тут, подрастерялись мы маленько. Ратник?

– Нет, приходилось просто.

Не мог же я им рассказать, что драться научился в институтской секции.

– Откуда сам?

– Из Москвы, да давненько не был здесь, не знаю даже, ждет ли кто, – продолжал врать я.

– Да, слышали мы, пожар в Москве был ноне сильный, много домов погорело, даже называют – царский дворец и митрополичьи палаты сгорели; царю Ивану что – новые хоромы отстроят, холопов у него много.

– Это какому Ивану?

– Да ты что, паря? Ивану Четвертому, он помазан на царствие уж восемь месяцев как.

Прокололся я слегка, историю надо было лучше учить.

– А далеко ли до Москвы, мужики?

– Да нет, с утречка двинемся, а вскоре и Москва.

– А чего же вчера не дошли?

– Так за постой платить надо – за лошадей, за себя; где же денег взять?

Утром обозники снова сварили кашу с салом, мы не спеша поели. Крестьяне запрягли лошадей. Поскольку возничих не хватало, пришлось мне сесть на телегу и взять в руки вожжи. Еще двух лошадей с телегой привязали уздцами к передним телегам. Так и тронулись.

Часа через два в облаках пыли въехали в посады. С обеих сторон тянулись убогие избы, кузнечные, гончарные, кожаные, столярные мастерские. Их можно было узнать даже по запаху.

Постепенно дома становились лучше, и вот мы въехали в городские ворота. Стражники взяли с каждой подводы по полушке, и мы вкатились в сам город. Я был разочарован – немощные улицы, сбоку смердящие канавы, деревянные дома и пыль. Да и по размерам, как нынешняя Шатура, наверное.

Наш небольшой обоз проследовал на рыночную площадь. Здесь я тепло попрощался с попутчиками и отправился восвояси. Собственно, даже и не отправился.

Походил по торгу, посмотрел, что продают. Были здесь мясные ряды с висящими тушами свиней и коров, рыбные, с самым разнообразным товаром – свежей рыбой, вяленой, копченой всех размеров, овощные, где торговали репой, капустой, свеклой, луком и морковкой. Вот картошки тут не было, видимо, не успел дойти до нас этот Колумбов подарок. В тряпичных рядах рябило в глазах от многоцветия рубашек, штанов, платьев, отрезов.

По старым фильмам я думал, что все ходили в сером или черном. Ничего подобного – расцветки поражали разнообразием. Штаны и рубашки были красные, синие, голубые, фиолетовые, зеленые, самых разнообразных оттенков. В ряду кожевников сапоги – мужские и женские, высокие и низкие, на каблуке и без, из любой кожи, тоже разных цветов, даже красные. Кирзовых вот только не было – изобретение сталинских времен.

Кожевники, все, как один, заинтересованно разглядывали мою куртку. А некоторые даже вышли из-за прилавков и, поздоровавшись и испросив разрешения, рассматривали молнию и кнопки на рукавах. Цокали языками и под конец спросили:

– Чья работа?

– Турецкая. – Видя непонимание, я вовремя вспомнил: – Османская.

– А-а-а, – с разочарованием вздохнули мастера. – Кожа у них отвратная, да вот застежка интересная, только уж больно тонкая работа. Небось дорого купил?

Я чуть не брякнул – сто баксов, да вовремя прикусил язык.

Ювелирный ряд удивлял тонкой работой, блеском камней и матовым сиянием золота и серебра. Молчаливые, серьезные торговцы, окинув взглядом мою одежду, даже не делали попыток позвать к своему прилавку. Одет я неподобающе, не выгляжу в их глазах кредитоспособным. Вывод: одеться надо по местной моде. Хорошо сказать – одеться, тут и подхарчиться не на что, в кармане только рубли да американские доллары, обе валюты еще не существуют.

За ювелирным рядом пошел оружейный. Мама моя, родной московской милиции на вас нет! На прилавках и в лавчонках лежало смертоносное железо – булавы, кистени, ножи, сабли, палаши, мечи, копья, рогатины, пики, простые и богато отделанные. Висели и стояли щиты, кольчуги, бахтерцы, куюки, шлемы всевозможные. Ей-богу, глаза разбегаются.

Наверное, при деньгах есть смысл зайти сюда еще. Как я заметил, у всех мужчин здесь на поясе висели два ножа: один маленький – обеденный, второй – здоровенный тесак. Надо бы и мне так.

Я вышел с торга – что мне здесь делать без денег? В толчее меня толкнули, я, в свою очередь, толкнул женщину с двумя корзинами; та неловко упала на бок. Корзины упали, одну в толчее тут же кто-то ловко подхватил, и корзина исчезла. Я успел схватить вторую и помог женщине подняться. Пока она, ругаясь, отряхивалась, я стоял рядом. Наконец она привела себя в относительный порядок, и мы отошли от потока людей чуть в сторону. Извинившись еще раз, я отдал ей корзину, сказал, что вторую кто-то схватил и унес.

– Да видела я, – с досадой произнесла она, – татей полно, грешным делом, я подумала, что и ты из таких, да не похож. Ладно, бог с ней, с корзиной – там только овощи были. За то, что уронил меня, неси корзину до дома, тяжела больно.

Придется нести, виноват. Мало того, что женщину толкнул, пусть и нечаянно, так она еще и корзины лишилась.

Шли квартала четыре, правда длинных. Подошли к двухэтажному деревянному небольшому дому за забором. Женщина открыла ключом калитку, я вошел во двор и перевел дух, поставив корзину на землю.

– Заноси на крыльцо, помощник. Давай хоть квасом али сбитнем угошу.

Мы зашли в дом. Пока хозяйка ходила за квасом, я огляделся. Мужских вещей нигде не было видно, знать, вдова или незамужняя. Хотя откуда у незамужней свой дом?

Хозяйка вынесла корец с квасом, и я выпил. Хорош квасок – холодный, ядреный, аж язык щиплет.

– Как звать-то тебя, помощник?

– Юрием.

– А меня Дарьей. Чем на жизнь промышляешь?

Я смутился:

– Да пока ничем.

– А живешь где?

– Жил в Москве, да давно дома не был; вернулся, а в Москве пожар был, многих домов нет, да и улицы нет.

Дарья оценивающе оглядела меня:

– Ко мне пойдешь по хозяйству помогать? Вдова я, год как мужа схоронила; плохо бабе одной в доме: где забор поправить, где крышу подлатать, да и страшно одной по ночам.

– Чего же слуг не наймешь?

– Да нанять-то можно, только где я денег на все возьму? Муж был – жили в достатке, он купец был. А как его не стало, быстро деньги кончились. Ежели согласен, комнату для жилья выделю, кормление за мой счет, а вот денег дать не смогу, нету.

Были ли у меня варианты? И жить где-то надо, и есть что-то. Поживу пока, а там огляжусь – видно будет. Я согласился.

Дарья проводила меня в одну из комнат на первом этаже, сама хозяйка жила на втором. Я снял косуху, повесил ее на деревянный штыр на стене. Больше никаких вещей у меня не было.

В углу висело зеркало, я подошел и посмотрелся. Матерь Божья! Зарос щетиной, глаза впали, нечесанные волосы. Бомж, да и только. Выйдя в коридор, окликнул хозяйку. Она выглянула из дверей кухни.

– Хозяйка, не найдется ли гребня? И как насчет помыться?

– Гребень сейчас дам, от мужа остались, а баню сам натопи – в углу двора она – и воды наноси.

Сначала я натащил в баню воды из колодца. Тяжеловато, ведер сорок вылил в большой железный чан. Это не в городе: открыл кран – горячая, второй повернул – холодная. Пока вуротом из колодца вытянешь ведро, перельешь воду в деревянную бадейку, которая и пустая килограммов на пять тянет, да отнесешь в баню, перельешь в чан – будь здоров вспотеешь.

Затем настала очередь дров. Березовые чурбаки лежали в дровяном сарае; их надо было наколоть, снести в баню, развести огонь и следить, чтобы он не погас. Самое сложное было развести огонь. Я не курил, зажигалки и спичек у меня не было. Что за мужик, если огонь добыть не может? Через минуту размышления я набрал лучин, сбегал на кухню, где кашеварила Дарья, и, вернувшись с горящими лучинами, зажег огонь под чаном с водой. Присел на полку, задумался. Хорошо, что здесь кухня была рядом, а как зажигают огонь вне города, скажем в походе? Надо как-то узнать у местных.

Хуже всего, когда не знаешь житейских мелочей, это выглядит странно. Снова отправился в баню, подбросил дровишек, положил в бадейку березовых веников, что висели в предбаннике.

Это я знал еще по совместным походам с Женькой в Сандуны. Как-то теперь Женька, что Юля делает? Для них ведь я пропал. Почему-то вспомнились милицейские объявления: ушел из дома и не вернулся.

Вода согрелась, воздух в бане стал жарким, пора и помыться. Так, мочалки на стене, деревянные шайки на полке, это понятно. А вот чем грязь смывать? Мыла я не нашел, или его здесь еще не изобрели. Я встал в тупик. Надо идти к Дарье, хоть это и смешно выглядит, но надо спросить. Я зашел на кухню, помявшись, сказал:

– Баня готова.

– Сейчас приду, – весело улыбнулась Дарья.

Я вернулся в баню, в предбаннике скинул футболку, джинсы и трусы и зашел в парную; набрав в ковшик воды, плеснул на камни. Горячее облако пара чуть не перехватило дыхание. Взобрался на полку и прилег. Надо попотеть, поры очистить. Я облился водой, слегка потирая себя мочалкой, и лег снова.

Двери открылись, на пороге стояла Дарья. Ешкин кот! Она была как есть нагая. Я слышал, конечно, что раньше люди мылись вместе в бане, семьями, дворами. Подготовив баню сегодня, я понял почему: дров и усилий ушло много.

Нимало не стесняясь, Дарья сказала:

– Я мужнино исподнее и рубашу принесла, твое мыть надо. Вот щелок, – она поставила глиняную корчагу с мелкой золой. Ага, вот что у них вместо мыла.

Дарья плеснула из ковшика на каменку водой, и все заволокло паром. Дарья улеглась на вторую полку. Я лежал молча, не зная, как себя вести.

– Веничек возьми, обиходи.

Я взял распаренный веник, поводил над ее телом, разгоняя горячий воздух, затем стал пошлепывать веничком слегка, потом сильнее и сильнее. Дарья перевернулась на спину. Хороша! Налитая грудь, отличная попка, атласная кожа на упругих бедрах. Соблазнительна, чертовка!

Я обиходил Дарью веничком, окатил теплой водой. Мы поменялись местами, теперь она обрабатывала меня веником. В воздухе стоял запах березы. После, глядя, как Дарья намазывает и растирает себя золой, я сделал то же самое, смыл мочалкой, окатился водой и почувствовал себя посвежевшим и чистым.

Вышли в предбанник, обтерлись приготовленными Дарьей полотенцами. Я натянул рубашку и подштанники, оставшиеся от мужа хозяйки. Тесноваты, маловаты оказались, при каждом телодвижении подозрительно потрескивали в швах.

На столе стояла корчага с пивом. После баньки – самое то.

Посидели, охлаждаясь после парной, выпили пива и пошли в дом. Я поблагодарил хозяйку за баню и пиво, отправился к себе. Какое блаженство – лежать чистым на мягкой постели! Когда все это у тебя есть – не замечаешь; а стоит побыть голодным и поспать на земле – сразу вспоминаешь об утраченном. Уснул я мгновенно.

Далеко за полночь проснулся от какого-то шороха. Рядом с постелью стояла в ночной рубашке Дарья.

– Пусти погреться.

Я молча откинул одеяло, и женщина юркнула ко мне. Какое погреться, тело ее было жарким, о саму греться можно. Не затем пришла.

Я начал покрывать ее тело поцелуями. Женщина возбудилась, стала дышать шумно, по телу пробегала дрожь. Пора. Улегшись сверху, осторожно вошел. Дарья застонала от наслаждения.

Потом мы лежали полуобнявшись, разгоряченные, потные. Одеяло валялось на полу.

– Давно мне не было так хорошо, истосковалась по мужику. Уж год, как мой помер-то. Ты мне еще на рынке приглянулся, решила, ежели неженатый, как-нибудь уговорю. В бане еле удержалась.

Дарья оказалась женщиной темпераментной, а мне – в охотку. Утром еле разлепил глаза, когда солнце уже било в окно, затянутое какой-то тонкой кожей.

Ни фиги себе работник! Быстро встал, натянул мужнину рубаху и штаны, заботливо положенные Дарьей у изголовья. Рубашка была чуть коротковата, но нигде не жала; я уже заметил, что рубашки здесь были неохватные, любого размера: надел, подпоясался – и никаких мерок не надо. Вот с «подпоясался» – проблема.

Немного стесняясь, я вышел в коридор, Дарья уже хлопотала на кухне.

– Здравствуй, хозяйюшка. Пояса не найдется?

– Найдется, как же, от мужа несколько штук осталось.

Дарья шустро сбегала на второй этаж, принесла пару ремней – хороших, кожаных. Я с трудом застегнул пояс на последнюю дырочку. Хлипковатый муж был у Дарьи, да и на том спасибо. Выйдя во двор, достал из колодца воды, умылся.

Позавтракали кашей и узваром из яблок.

– Ты грамоте обучен ли? – спросила Дарья.

Я чуть не поперхнулся, чуть не ляпнул, что у меня – высшее образование, но вовремя опомнился и кивнул.

– От мужа лавка торговая осталась, с нее кормлюсь; да приказчик уж больно хитер, хочу записи проверить. Поможешь?

– Помогу.

Выйдя во двор, осмотрел дом снаружи, постройки. Кое-где требовалось заменить доски, подправить забор. Найдя в сарае инструменты, взялся за работу. Надо все-таки постель и харч отбавывать. Поработал часа три, успел заменить несколько досок, поправить дверь в баню.

Дарья вышла нарядно одетая, оглядела хозяйство, ничего не сказала, но по лицу было видно – довольна.

Мы направились в лавку, шли квартала четыре. Лавка оказалась чуть не в центре. Да за такое место нынешние торгаши попередрались бы, а у нее дохода нет.

В лавке за прилавком стоял какой-то замызганный мужичонка. Увидев Дарью, выскочил навстречу, угодливо поклонился. Пока они разговаривали о своем, я осмотрелся. Лавка невелика, где-то четыре на шесть метров, на полках, по моему разумению, чистое барахло. Откуда быть доходу? Надо срочно менять профиль. Дарья подала книгу, в которой приказчик скрупулезно писал доход и расход. Быстро прикинул – вроде все сходится.

Дарья получила скромную выручку, и мы отправились домой. Усевшись за стол, я напрямую выложил Дарье свое мнение – с таким товаром дохода ждать не стоит. Надо заняться чем-нибудь другим.

– Чем, что делать, подскажи, – с надеждой в голосе спросила женщина.

– Дай подумать!

Я сидел и размышлял. Чтобы раскрутить любое дело, нужны вложения. Я не знал местной конъюнктуры, но быстрее всего окупается спиртное, да и первоначальные вложения не так и велики.

– Дарья, сколько у тебя денег?

Женщина покраснела:

– Десять рублей серебром.

Я не знал, что можно купить на эти десять рублей, но мне показалось – это очень мало.

– А знакомые мастеровые есть, ну, кузнецы?

– Есть, как не быть. Недалеко отсюда, в слободке живет Анфимий, хвалят люди.

– Веди!

Мы отправились к кузнецу. Я, как мог, объяснил ему, что от него требуется – решил сделать большой самогонный аппарат. Кастрюля с закрывающейся крышкой, змеевик да кое-что по мелочи. Сговорились о цене и ударили по рукам.

Сразу пошли на базар и купили мешок пшеницы. Я еле доволок его до дома: тяжеловат, килограммов на шестьдесят потянет. В предбаннике приготовил место для самогонного аппарата, дал Дарье задание: найти побольше глиняных кувшинов небольшой емкости, бутылок-то еще не было, и древесного угля.

Через несколько дней от кузнеца получил готовое изделие, с трудом притащил домой, собрал. Замоченная ранее пшеница уже бродила. Хоть дело и было к вечеру, зарядил аппарат, развел огонь под кастрюлей.

Часа через два забулькало, из змеевика закапал самогон. Я попробовал его еще теплым. Фу, сивухой в нос шибает, и вкус противный. Ладно, были у меня еще задумки. Я перегнал всю кастрюлю и поставил весь самогон еще раз перегоняться. Теперь он был уже лучше.

За работой незаметно прошла ночь. Погасив огонь, я отправился спать. Дарья, видя мою занятость, спала у себя наверху.

Поспал часа три-четыре, вскочил бодрый и, едва позавтракав, убежал в баню. Засыпал в кастрюлю с самогоном изрядно древесного угля, известно ведь, что это – отличный поглотитель токсинов и прочей дряни. Захватив немного в кувшине, принес на кухню, стал экспериментировать, разводя в разных количествах водой. Мне хотелось добиться сорока градусов, как у водки. Когда по вкусу напиток стал напоминать водку, я задумался: а как дозировать в дальнейшем? Доверять только языку – занятие неблагодарное. Додумался вот до чего: к гладко остроуганной палочке приделал свинцовый грузик, опустил в напиток, сделал отметку на палочке. Будет теперь что-то вроде спиртометра. Допотопно, но быстро развести самогон под требуемые градусы можно.

За три дня стояния в кастрюле с древесным углем самогон очистился, на дне был желтоватый слой сивушных масел пополам с углем. Остороженько слил в другую посуду, позаимствовав у Дарьи на кухне. Прокипятил колодезную воду, остудил и принялся разбавлять самогон водой по самодельному спиртометру. Получилось много, литров сорок – сорок пять. С помощью Даши разлил поварешкой по кувшинам. Продукт был готов. Вечером, за ужином, мы его и опробовали. Дарье не очень понравилось – крепковато, а по мне был в самый раз.

Назавтра мы уложили половину кувшинов в две корзины и отнесли в лавку. За два дня удалось продать все, причем вернули затраченные на зерно и самогонный аппарат деньги, да еще и прибыль получили. Дарья была рада: показался свет в туннеле, в кошеле зазвенело серебро.

Вечером, за ужином, я посоветовал сделать еще один аппарат, купить сразу воз пшеницы, пока не наступила зима и не поднялись цены, нанять парочку человек – пусть гонят каждый день.

Дарья так и поступила, спросив вроде как невзначай:

– Сам дальше что делать будешь?

– Подумаю, как выгодно вложить прибыль, новое дело сладить, а сейчас пойду спать.

Надо ли объяснять, что чуть не до утра мы занимались освоением Камасутры?

С той поры наше маленькое кустарное производство самопальной водки работало беспрестанно и исправно приносило прибыль, причем солидную.

Как-то днем я отправился на торг и увидел на небольшой площадке внутри торга кулачный бой. Два мужика бестолково мутузили друг друга, пуская из разбитых носов кровавые сопли. Вокруг стояли зрители, дружными и громкими воплями подбадривали дерущихся. Как я понял из разговора окружающих, это было нечто вроде тотализатора. Выигравший бой полу-

чал деньги, пусть и не очень большие. Один мужичок все-таки упал, не в силах подняться, второй радостно вскинул руки.

– Ну, есть еще желающие? – На середину круга вышел мужчина средних лет, одеждой смахивающий на купчину.

Из рядов зрителей вышел здоровенный парень лет двадцати пяти, косая сажень в плечах, на щеках – румянец. Зрители начали бурно обсуждать шансы каждого, кидая медяки и серебро организатору. Я задержался: было интересно посмотреть здешние приемы кулачного боя. Наконец рефери – организатор боя – махнул шапкой. Бой окончился быстро. Молодец пару раз махнул кулаками-кувалдами, мужичок-соперник, уже уставший от предыдущего боя, рухнул в пыль.

Толпа разочарованно загудела – бой окончился очень быстро. Молодец сиял улыбкой, вскидывая руки.

– Кто еще желает помериться силушкой, разогнать кровь молодецкую? – спросил организатор.

И тут меня как бес под руку толкнул. Я вышел в круг:

– Я хочу!

Молодец ходил по кругу, пренебрежительно поглядывая на меня. Роста он был такого же, как и я, но шире в плечах и упитаннее. Рефери собрал с играющих деньги, вышел в середину круга и махнул шапкой:

– Начинайте!

Молодец, взбодренный предыдущей легкой победой и полученным выигрышем, сразу ринулся в атаку. Главное было – не попасть сразу под удар его кулака. Парень слишком надеялся на свою силу, а техники не было никакой, когда бил – открывался весь, о защите не беспокоился. Кулак его пошел вперед, я мгновенно пригнулся и сам ударил его в солнечное сплетение. Как в каменную стену, только немного дыхание удалось ему сбить. Противник стал осторожнее, видно, опыта в кулачных боях ему было не занимать. Теперь он стал ходить вокруг меня кругами, выжидая время для удара. Я смотрел ему на ноги. Когда противник хочет бить, всегда переносит вес тела на одну ногу. Вот молодец сгруппировался, и в этот момент я упал на руки, в положение для отжимания, и левой ногой ударил его под колено. Противник рухнул спиной на землю. Е-мое, маленькое землетрясение!

Какое-то время он лежал неподвижно – приложился сильно, затем медленно встал, потряс головой и, как разъяренный бык, кинулся на меня. Не привык падать детинушка, привык сам бить. Я уходил в стороны от его кулаков, но один раз почти не успел: кулак вскользь прошел по голове, зацепив ухо. Было ощущение, что я задел проходящий товарный поезд.

Разъяренный падением молодец уже не думал о защите, в его налитых кровью глазах читалось только одно: свалить меня, растоптать, одержать победу. Дыхание его сбилось, парень не привык долго двигаться. Его удел – пришел, ударил, победил.

Выбрав момент, я крутанулся и врезал ему пяткой в лоб. Здоровяк на секунду застыл в задумчивости, потом рухнул, подняв облако пыли. Я постоял рядом, но парень даже не делал попыток подняться. Я вскинул в победном жесте руки. Победа! Чистый нокаут! Ко мне подошел организатор, насыпал в руку медных и серебряных монет.

– Ты хорошо дерешься; супротив Тимофея никто долго продержаться не мог, а ты его самого уложил. Приходи сюда еще, пока тебя никто не знает, можно хорошую денюгу срубить.

Я поблагодарил за деньги, насчет «приходить на бой» обещал подумать. Нет, не мое это. Понимаю необходимость знания и умения постоять за себя, но регулярно бить морды противникам на потеху публике, извините, я не гладиатор. Отойдя в сторонку от зрителей, пересчитал деньги – два рубля и алтын. Совсем неплохо.

Я направился в оружейный ряд, надо было купить маленький, используемый для еды ножик и большой, для хозяйственных нужд и для боя. Выбрал ножи в чехлах, подвесил на пояс,

начал выбираться с базарной площади. Кто-то тихонько взял меня за руку. Я обернулся. Рядом стоял небольшого роста тщедушный человечек. Свисающие пейсы, ермолка на темечке и характерный нос выдавали в нем иудея. Картавя, он извинился и попросил для разговора отойти в сторону.

– Слушаю вас.

– Я видел, как вы дрались с этим бугаем, восхищен вами.

– Спасибо, это все?

– Нет, что вы! Я ювелир, моя фамилия Ройзман. Вам это о чем-либо говорит?

– Нет.

– Будем знакомы, меня зовут Изя.

– Меня – Юрий Котлов.

– Вы похожи на порядочного человека.

– Спасибо.

Еврей помялся:

– Я ювелир, мне нужен человек для охраны.

– Ну так наберите вот таких удалыцов, что выходят на кулачках драться, в чем проблема?

– Нет-нет, мне не надо людей, которые плохо владеют кулаками. Я наблюдал за вами во время боя: вы не потеряли самообладания, редко били сами и не давали ударить вас противнику. Способ вашего боя как-то резко отличается от общепринятого, вероятно, вы этому учились в Персии или еще где-то. Я не видел, чтобы русичи дрались ногами.

– Видите ли, уважаемый Изя! У меня свое, пусть и маленькое, дело, и мне не хотелось бы бросать его для того, чтобы махать кулаками. Этот бой – так, прихоть, желание немного осадить самонадеянного удалыца. Мне бы хотелось работать головой.

Изя пожевал губами, подумал, высморкался в платок – большая редкость здесь, продолжил:

– Хорошо, вы не хотите постоянную работу, но один-то раз можете съездить со мной?

– Куда и на сколько?

– Во Владимир. Поездка, думаю, займет две седмицы.

– Сколько платите?

– С моим коштом – десять рублей серебром.

Я немного подумал. Десять рублей – сумма немаленькая. Кивнул, соглашаясь.

– Но два рубля – задаток.

Изя повздыхал, но достал из поясной калиты два рубля и отдал.

– Подойдешь завтра с утра ко вторым петухам к Покровским воротам, жди там.

– Буду.

Я развернулся и пошел на торг. Предложение побыть охранником было неожиданным, но и пускать все на самотек было нельзя. Слишком прочно была вбита в мое сознание необходимость обстоятельной и вдумчивой подготовки – к операции ли, к чему другому.

Пошел к рядам оружейников. Кроме ножа, у меня ничего не было, а нож – крайнее средство, когда ничего другого уже не осталось. У первых лавок я встал: на чем остановить выбор? Лук – оружие неплохое, да учиться им владеть надо сызмальства; сабля хороша для конного, мечом в одночасье тоже владеть не научишься.

Глаза мои блуждали по смертоносному железу, не зная, на чем остановить выбор. Из-за прилавка вышел степенный мужик с окладистой бородой и в кожаном фартуке. Скорее всего кузнец, что и сработал это все.

– Что хочешь, мил-человек? У меня все есть, выбирай, к чему душа лежит.

– Подскажи, уважаемый, не знаю, что делать. В опасную дорогу собираюсь, оружие попроще хочу взять: так, чтобы привыкать долго не пришлось, но и с оружным справиться.

– Воинский опыт есть ли?

– Нет.

Не мог же я ему сказать, что после института пришлось год отслужить в разведбате, командиром медицинского взвода. И на учениях по болотам ползать, и научиться маскироваться, и стрелять из «калашникова». Эх, сейчас бы сюда «калашникова», все проблемы отпали бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.